

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

МАТВЕЙ ЛЮБАВСКИЙ

Собирая империю

Матвей Любавский
Русская колонизация

«Алисторус»

2015

Любавский М. К.

Русская колонизация / М. К. Любавский — «Алисторус»,
2015 — (Собирая империю)

Российская империя создавалась веками. Где-то она прирастала войнами, как это было со Средней Азией, где-то договоренностями (Украина), а где-то и добровольным вхождением (Грузия). В советское время тема российской колонизации практически не поднималась в исторической науке. «Российский империализм» представлялся таким же негативным явлением, как и любой другой «империализм», а если уж и приходилось сквозь зубы говорить о колониальной политике Российской империи, то тут не жалели черных красок. Только сегодня выходят из забвения имена великих русских историков, изучавших и систематизировавших информацию о том, как росла и ширилась наша страна, какие блага она принесла всем без исключения народам на своей территории. Один из них – это Матвей Любавский, последний дореволюционный ректор Московского университета. Он стал автором множества публикаций и исследований, посвященных созидательным аспектам российской колониальной политики. К сожалению, именно за это ему и пришлось поплатиться: в 30-е годы Любавский умер в ссылке. В своей самой знаменитой работе «Русская колонизация» Любавский впервые в российской исторической науке дает широкую картину роста и становления Российской империи на протяжении всего ее существования со времен Киевской Руси и до начала XX века.

© Любавский М. К., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Введение	6
I. Область расселения славян в восточной Европе к концу IX и началу X в.	10
II. Новые кочевники в южных степях России в конце IX, X и XI вв	14
III. Сокращение территории славянской оседлости на юге России и расширение ее на севере	17
IV. Степь и лес в начальные времена русской колонизации	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Матвей Любавский

Русская колонизация

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Введение

Задачи исторической географии России; необходимость ее изучения в связи с историей русской колонизации. Разбросанность населения по обширной территории как основной вопрос этой истории, высокий теоретический и жизненный интерес, связанный с его изучением.

Изложение исторической географии России по самому существу дела необходимо связывается с историей колонизации нашей страны русским народом. Предметом этой науки являются: территория, которую занимал русский народ в разное время, размещение на ней населения, его состав, политические деления, промышленные занятия и т. д.

Но как создавалась народно-государственная территория России? Главным образом, путем расселения славяно-русского народа. Россия в настоящее время занимает громадную территорию в 400 с лишком тысяч квадратных миль. В составе этой территории на долю областей, приобретение которых можно отнести на счет простого завоевания, приходится только около 40 тыс. кв. миль, т. е. 10 % всей территории. Такими завоеванными областями были: Финляндия, Остзейский край, Литва и Польша в тесных этнографических пределах, Закавказье и южная половина русского Туркестана. Вся остальная территория сделалась достоянием русского народа главным образом вследствие его расселения по ней. Это не значит, конечно, что в данном случае не было борьбы. Борьба была, и даже иногда упорная и жестокая, как, например, в южных степях Европейской России, где русскому народу, можно сказать, каждую пядь земли приходилось поливать своей и вражеской кровью. Но при всем том только колонизация, только заселение давали русскому народу победу и утверждали за ним прочно занимаемую территорию. Много земель, несомненно, занято было русским народом и без борьбы, вследствие того, что эти земли не имели населения или, если и имели, то чрезвычайно редкое и малочисленное, не оказывавшее сопротивления русским пришельцам и обыкновенно отступавшее перед ними. Таким мирным путем, по всем признакам, занято было много земель в северной половине Европейской России и отчасти в Сибири.

В истории колонизации надо искать объяснения и политических делений Руси в разное время. Современная наука не может выводить политических делений Руси исключительно из размножения и семейных разделов правящих династий. Княжения возникали на почве уже существующих делений на «земли» и их части, а это последнее, очевидно, создавалось особым распределением населения по стране, особой группировкой его. Исторической географии приходится констатировать такую смену политических центров, упадок старых и появление новых, в связи с общим политическим усилением той или другой части Руси. Объяснение всему этому приходится искать в перемещении населения в стране, т. е. в той же истории русской колонизации. Эта же история дает объяснение и разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо многое тут зависело от занятия новых стран, с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие населения России во многом уясняется из истории расселения русского народа; эта этнографическая пестрота более чем 100 племен в значительной части объясняется тем, что русское население распространилось по землям, уже занятым другими народностями.

Таковы внешние соображения, которые заставляют связать историческую географию с историей колонизации.

Но еще важнее соображения внутреннего свойства, которые заставляют изложение исторической географии России поставить в тесную связь с изложением истории русской колонизации. Эти соображения вытекают из понятия о самой научной задаче исторической географии. Прекрасное определение этой задачи дал покойный академик Майков в своей рецензии на известную книгу Барсова «Очерки исторической географии России». «Историческая гео-

графия, – говорит он, – неизбежно должна выйти за пределы простого описания и, пользуясь разнообразным материалом общего землеведения, должна показать влияние внешней природы на развитие человечества или отдельных особей его – народов. Она должна обнаруживать, насколько жизнь людей в известной стране подвергалась действию общих географических условий последней и насколько эти условия способствовали там развитию социальности или же послужили препятствием для развития народной цивилизации. Вместе с этим, историческая география должна изобразить и воздействие человека на природу, его борьбу с ней, формы этой борьбы, т. е. разные виды культуры, которой человек подвергает окружающие его органические и неорганические тела и, наконец, результаты этой борьбы для населения. Таковы идеальные задачи исторической географии. Только ими освещается труд историко-географа, и, чуждаясь их, его исследование утрачивает в значительной мере свои главнейшие цели»¹. К этому можно добавить разве только то, что выяснение влияния внешней природы на человека является преимущественной задачей исторической географии. Современный человек значительно уже эмансипировался от прямого влияния внешней природы, что в нем не всегда заметно. Многие в жизни современных народов являются уже результатом истории, культуры. В прошлом же их прямое влияние окружающей природы выступает с большей силой и очевидностью.

Указанная задача исторической географии в отношении России выполняется лучше всего именно изложением истории русской колонизации. Эта история дает множество ярких иллюстраций и доказательств могучего влияния внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни, на развитие культуры и гражданственности. Но, с другой стороны, изучение этой истории предохраняет от всяких глазомерных и суммарных обобщений по этой части, ибо обнаруживает, что русский народ только медленно и в течение долгих веков занял свою теперешнюю страну, а следовательно, не всегда и не в одинаковой степени подвергался влиянию всех ее разнообразных природных условий. Можно сказать поэтому, что преподавание исторической географии России тесно и необходимо связывается с изложением истории русской колонизации и что только в этом направлении и можно выдвинуть достаточно все научные элементы этой дисциплины.

Главным, основным вопросом, на который ответ должна дать история русской колонизации, является вопрос о том, как и почему русский народ разбросался в Восточной Европе и северной Азии – на территории, далеко не соответствующей его численности.

Несоответствие между величиной территории и количеством населения России и в настоящее время – факт, резко бросающийся в глаза. В то время как в Западной Европе мы видим государства с населением в 5000 человек на кв. милю (Германия), в 6000 (Италия), в 7000 (Англия) и даже в 13 000 (Бельгия), в России на кв. милю приходится только около 325 человек, принимая население России круглым счетом в 130 миллионов. Даже в Европейской России, которая составляет основную часть империи, на одну кв. милю приходится только с небольшим 1000 человек. В России много еще земель, способных прокормить более густое население, много земель пустых, частью негодных, а частью годных под культуру. В прошлом это несоответствие было, несомненно, еще большим, если мы примем во внимание, в какой прогрессии возрастало население до настоящего времени. По исчислениям П. Н. Милюкова, русское население петровской Руси в пять с лишком раз было меньше количества того населения, которое живет в настоящее время на территории петровской Руси. Мы не имеем сколько-нибудь определенных сведений о количестве населения в старой, допетровской Руси. Но все частные указания источников, все общие впечатления иностранцев говорят нам, что Русь и до Петра была обширной страной с чрезвычайно разбросанным населением.

¹ Майков Л. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Исследование Н. П. Барсова // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174. С. 250–251.

Какое же влияние оказывал в прошлом и оказывает в настоящем этот факт на жизнь русского народа? Нельзя не признать, что разбросанность населения России была и продолжает быть сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании. Разбросанность населения по обширной стране, даже при современных путях сообщения, является большой помехой для развития экономического благосостояния этого населения. При разбросанности жителей затрудняется обмен продуктами производства. В общем, и товаров оттого производится меньше, и потребление их идет слабее, чем это может быть у того же населения на меньшей территории. Экономическая жизнь при разбросанности населения идет всегда вялым темпом. Туго подвигается при этом специализация, разделение труда в обществе, служащее необходимым условием и вместе показателем промышленного прогресса. Обширность территории и другим путем, так сказать, косвенно, оказывает задержку развитию народного благосостояния. Эта обширность возлагает на народ лишние тяжести по содержанию обороны, управления, путей сообщения и т. д. Лишние средства, которые идут на все это, могли бы или не собираться совсем с народа и идти на удовлетворение его нужд, накопляться в народном капитале и двигать далее промышленное развитие страны, или же через руки казны идти на разные полезные учреждения для народа, которые прямо или косвенно увеличивают материальное благосостояние народной массы. Мы в этом отношении самый несчастный народ. Возьмем, например, содержание военных сил, необходимых для обороны страны извне, почтовых учреждений, судебной администрации, полиции и других. Разбросанность русского населения прямо и непосредственно отзывается в неблагоприятную сторону на его умственном развитии. Масса русских людей, живя в селениях, удаленных друг от друга на большие расстояния, притом большей частью немногочисленных, имея сравнительно мало общения с жителями других селений, довольствуется главным образом тем скудным запасом опыта, наблюдений, знаний и идей, который составляет духовное достояние данной местности. Чрезвычайно медленно при этом и с большим трудом усваиваются идеи и знания со стороны. В общем, благодаря всему этому умственное развитие и творчество народной массы подвигается вперед медленно, почти неуловимо для наблюдения, которое очень часто остается при впечатлении полной умственной косности и неподвижности русской народной массы.

Благодаря разбросанности населения в нашей стране с большим трудом насаждался гражданский порядок, медленно и туго устанавливалась общественная безопасность и благоустройство, слабо развивалась законность. На просторе долгое время господствовала и господствует у нас грубая сила и всяческий произвол отдельных сильных лиц или частных сообществ. Стоит, например, припомнить разбои, подвиги казачества в степях и «удалой вольницы» на реках южной России, произвол и злоупотребления администрации в местах, где, по народному выражению, «до Бога высоко, а до царя далеко», чтобы убедиться в справедливости высказанного положения. Конечно, нельзя все в данном случае относить на счет непомерной величины территории и разбросанности населения. Но, во всяком случае, эта разбросанность была и есть одной из главных задержек гражданского прогресса в нашей стране.

На долю этой же разбросанности надо отнести и недостаточное развитие общественной самодеятельности в широких слоях населения. Общественная самодеятельность развивается успешно только в условиях более или менее тесного общежития, при которых люди постоянно сталкиваются друг с другом, имеют случай постоянно и наглядно убеждаться, как переплетены их взаимные интересы, как благосостояние всех и каждого зависит от общего согласия, от общих дружных усилий на общую пользу. Но история слишком долго разъединяла русских людей пространством, слишком долго заставляла жить и действовать разрозненно или в мелких общественных группах, чтобы в русском народе могла развиться в достаточной степени общественная самодеятельность. Общественные симпатии и стремления охватывают у нас преимущественно высшие, культурные слои населения. Их пробудило западноевропейское просвеще-

ние, распространявшееся у нас два последних века. Но народная масса сравнительно слабо задета ими. В этом, несомненно, сказываются недостатки нашего исторического воспитания.

При объяснении этих недостатков указывают нередко на вековую опеку и стеснения самостоятельности общества со стороны государственной власти. Но историки, останавливавшиеся над вопросом о происхождении и развитии русского государственного абсолютизма, справедливо указывают, что этот абсолютизм, в сущности, есть произведение той же причины, которой произведены и вышеуказанные явления, в связи, конечно, с напряженной военной деятельностью русского народа. Центральная власть на Руси потому и достигла непомерного развития, что ей пришлось иметь дело с разреженной и потому податливой народной массой и почти всецело взять на себя заботы и попечения об общем благе, об общих интересах. Таким образом, и наша государственная форма, сделавшаяся, впрочем, теперь достоянием истории, явилась порождением вышеуказанных условий русской собственности, только распространяла и усиливала их действие на эту общественность.

Но если разбросанность русского населения по обширной территории является таким сильным тормозом в его культурном развитии, то чрезвычайно важно уяснить, как создавалось такое положение вещей, что заставило русский народ так распространиться, так разбрестись розно по необъятной территории. Ведь это, в сущности, кардинальный вопрос в нашей истории, и ответ на него должна дать история русской колонизации. Таким образом, и со стороны внешней, и со стороны внутренней и историко-социологической точек зрения изложение истории русской колонизации является необходимым и удобным в курсе исторической географии..

I. Область расселения славян в восточной Европе к концу IX и началу X в.

Данные Начальной летописи о расселении племен в нашей стране к концу IX в. Неполнота этих данных, известия арабских писателей IX–X вв. (Аль-Баладури, Мосуди) о славянском населении на Дону и нижней Волге; данные о том же географической номенклатуры; следы ранних славянских поселений на нижней Кубани. Известия Константина Багрянородного и Баварского географа IX в., подтверждающие сообщения нашей летописи. Общая оценка данных Начальной летописи. Отношения славян к хазарам как одна из причин широкого распространения славянской колонизации на юге России в VII–IX вв.

Картину древнейшего расселения славян в Восточной Европе на памяти истории дает нам наша Начальная летопись.

Свое изложение истории русской колонизации мы должны поэтому начать с рассмотрения этой картины и попытаться определить, в какой мере она верна и полна для того времени, к которому приурочивается, т. е. ко времени политического объединения восточного славянства около Киева.

Рассказывая о расселении славян с Дуная в разные стороны, автор «Повести временных лет» говорит между прочим: «Такоже и ти словени пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне зане седоша в лесах, а друзии седоша межью Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота... Словени же седоша около Ильменя, и прозвашася своим имянем и сделаша град и нарекоша и Новгород; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася Север»².

Затем, перечисляя славянские племена, населявшие нашу страну, автор «Повести» называет Кривичей, «иже сядят на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра», Бужан, которые прозвались этим именем, «зане седоша по Бугу, после же Воляныне», Радимичей, севших по Сожу, Вятичей, которые сели по Оке, Хорватов, Дулебов, которые сели по Бугу, «где ныне Воляныне». «А Оуличии Тиверцы, – говорит летописец, – сядяху по Днестру, присядяху к Дунаеви, бе множество их, сядяху бо по Днестру оли до моря, [и] суть гради их до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь»³. По другому варианту: «А Уличи, Тиверцы сядяху по Бугу и по Днестру и пристодяху к Дунаеви: и бе множество их, сядяху бо по Бугу и по Днепру до моря».

По этим общим контурам, набросанным Начальной летописью, получается такая картина расселения славян по нашей стране: славяне расселились по бассейнам Днестра, Западного и Южного Буга, Днепра и его правых притоков и из левых: Сожи, Десны и Сулы; верхней Волги и Оки, верхней и средней Западной Двины и озера Ильменя. Славянская колонизация не захватывает бассейна нижнего Днепра (на левой стороне от Сулы включительно), бассейна Дона, нижней Оки, где, по словам «Повести временных лет», сидит Муром, «язык свой», бассейна средней Волги, приблизительно от впадения Тиверцы, ибо дальше, по словам «Повести», расположены «инии языци»: весь, меря. Весь север не охвачен еще славянской колонизацией: «в странах полунощных» живут чудь, пермь, печора, югра, самоедь⁴.

В какой же степени эта картина расселения славян по нашей стране верна действительно? Для правильной оценки необходимо принять во внимание, что она нарисована не совре-

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРА). Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. Т. I. С. 3.

³ Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. Т. I. С. 5.

⁴ Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. СПб., 1846. Т. I. С. 15.

менником, жившим в конце IX или начале X в., а человеком, жившим лет на полтора-два позднее, когда распределение славянского населения в нашей стране могло значительно измениться. Составитель «Повести» знает уже половцев; он современник зависимости хазар от русских князей, а это приходится на промежуток времени между 1036 г., когда Ярослав наголову разбил печенегов и очистил от них Хазарию, и 1061 г., когда половцы завладели страной хазар.

У нас есть несомненные данные, что нарисованная им картина расселения славян в Восточной Европе не совсем полна для VII–X вв.

Арабский писатель Аль-Баладури, писавший в 60-х гг. IX столетия, рассказывает про сирийского вождя Марвана, что он, вступив в Хазарию, вывел оттуда 20 000 оседлых славян⁵. Хотя этот факт имел место в половине VIII в., но все ученые, изучавшие произведения Аль-Баладури, не сомневаются в достоверности его сообщения. Между тем известно, что Хазария занимала область рек Дона и нижней Волги. Стало быть, и славяне были уведены отсюда.

Другой арабский писатель, Табари, рассказывая о том же самом факте, говорит, что Марван в погоне за каганом хазарским, вступив в его землю, расположился на славянской реке и здесь напал на неверных, перебил их и разрушил около 20 000 домов⁶.

Мосууди, живший во второй половине X в., славянской рекой в Хазарии называет Дон. «Между большими и известными реками, – говорит он, – изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы и многочисленным народом славянским, и другими народами, углубленными в северных краях»⁷. Славяне, по словам Масуди, жили даже в столице Хазарии и служили в войске и при дворе кагана. «Руссы же и славяне, о которых мы сказали, что они язычники, составляют войско царя и его прислугу»⁸.

Итак, в область славянских поселений в VIII–X вв. входил и бассейн р. Дона.

Этим, по всей вероятности, объясняются и многочисленные славянские названия рек его системы: Уды, Сольница, Оскол, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань – притоки Донца; Красивая Меча, Быстрая Сосна, Медведица, Иловля – притоки Дона. Эти названия встречаются уже и в летописях, и в других памятниках до XV в., т. е. гораздо ранее позднейшей колонизации Дона, и следовательно, давнего происхождения⁹.

Из области Дона славянское население передвинулось отчасти на юг, к устью Кубани, где позднее является Тьмутараканское княжество. Следы славянских поселений в этой местности обозначаются уже в начале X в. По словам Льва Диакона, Цимисхий посылал напомнить Святославу о поражении его отца Игоря, который устремился на Царь-град с несметными силами и «только с 10 кораблями возвратился в Боспор Киммерийский».

Но Боспором Киммерийским назывался Керченский пролив, т. е. то место, около которого находилось позднейшее Тьмутараканское княжество. Игорь направился сюда, очевидно, потому, что надеялся найти здесь приют у местного населения, которое ему было подвластно или родственно подвластному ему населению.

За этими исключениями, картину расселения славян, начертанную для конца IX и начала X в. составителем сказания о начале Руси, можно признать правильной. Эта картина подтвер-

⁵ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 38.

⁶ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 76.

⁷ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 140.

⁸ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 130.

⁹ Срезневский П. П. Русское население степей и южного Поморья в XI–XIV вв. // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1860. Т. 8. С. 316–318.

ждается теми частичными данными, разбросанными в равных местах летописи и иноземными свидетельствами ближайшего к рассматриваемому времени.

По летописи мы встречаемся с разными славянскими городами в пределах той территории, которая была очерчена составителем «Повести» как область славянской оседлости. Таковы: Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск, Любеч, Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Муром.

Константин Багрянородный (ум. в 959 г.) в своем сочинении «Об управлении империей», в известном рассказе о торговле руссов в Константинополе перечисляет те же города: Киев (Κιοῦβα), Новгород (Νεμιογάρδας), Смоленск (Μηλνίσκα), Любеч (Γελιούτζα), Чернигов (Τζερνιγῶγα), Вышгород (Βονδεγράγε), и отчасти те же имена: древлян (Βαρβίανοι), дреговичей (Δρουγουβιτοῖ), кривичей (Κριβτζοῖ), северян (Ζερρίτοι) и славян¹⁰. Все эти данные относятся к первым десятилетиям X в. Но еще ранее того, от последних десятилетий IX в., мы имеем известия от анонимного географа, по месту нахождения его рукописи названного Баварским, – известия, которые также во многом подтверждают нашего автора «Повести временных лет». Он говорит о буфанах (Busani), волынянах (Velanzani), северянах (Zuireani), уличах (Ulici), неопределенно указывая на место их жительства к северу от Дуная и на количество их городов.

Эти данные утверждают нас в мысли, что составитель «Повести временных лет» более или менее правильно обозначил племенной состав восточного славянства.

А известия Константина Багрянородного до некоторой степени подтверждают и саму картину расселения, нарисованную «Повестью временных лет». Итак, «Повесть временных лет» дает нам верную, но неполную картину расселения славян в Восточной Европе к началу X в., несколько уменьшая успехи славянской колонизации к этому моменту. Произошло это оттого, что к тому времени, когда составлялась «Повесть временных лет», область славянских поселений на юге нашей страны значительно уменьшилась в своем объеме, и составитель «Повести» по неведению перенес в прошлое то, что было в его время. Вообще же, как увидим, распределение славянского населения в Восточной Европе в течение X и XI вв. подвергалось значительным изменениям, по сравнению с веком IX и предшествующими.

Успехи славянской колонизации в южной степной области нашей страны стояли не только в связи с очищением нашего юга от кочевников, но и с отношениями, установившимися у славян к хазарам.

Продвинувшись к хазарам, славяне стали селиться в их области, становились данниками и воинами кагана хазарского. Поэтому неудивительно, если мы, по известиям арабских писателей, встречаем славян в Хазарии.

Известия арабов подтверждаются и Баварским географом IX в., который констатирует существование в Хазарии ста городов. Но мы знаем, что хазары были кочевым народом, следовательно, города эти были населены не ими, а другими племенами, преимущественно, вероятно, славянами.

В состав хазарской державы, судя по известиям нашей местности, вошли все вообще славянские племена, расселившиеся по южным областям нашей страны: поляне, радимичи, варяги, северяне. Нам кажется совершенно справедливым утверждение профессора Киевского университета П. Голубовского, что славянская колонизация распространялась на юге нашей страны под покровительством хазар, что хазарская держава была своего рода оплотом славянства со стороны Азии, откуда рвались в нашу страну хищные орды кочевников.

Развившаяся в Хазарии торговля с арабами и постоянная борьба хазар с восточными соседями мирно настроили хазар по отношению к славянам нашего юга. Славяне высылали на

¹⁰ Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах». М., 1899. С. 70–71.

хазарский рынок свое сырье для сбыта на Восток, причем каган брал себе десятину от всех товаров. Славяне же, как мы и видели, составляли и войско его.

II. Новые кочевники в южных степях России в конце IX, X и XI вв

Известия Константина Багрянородного и Регинона о движении через южные степи России венгров и печенегов в конце IX в. Область, занятая печенегами на юге России в X в. Отношения их к славянам; борьба с ними русских князей и постройка укреплений. Передвижение большей части печенегов в пределы византийской империи при Ярославе под напором узов. Местожительство узов, по известиям Константина Багрянородного и Масуди. Тождество узов с торками нашей летописи. Передвижение их на место печенегов и борьба с ними русских князей. (Поход Ярославичей 1060 г.) Гибель большей части торков; остатки в Приднепровье. Появление половцев, или куманов, в 1061 г. в Приднепровье. Их постоянные набеги на русских славян. Взаимное родство печенегов, торков и половцев как различных ветвей одного и того же племени – тюркского.

Спокойствие нашего юга, установившееся с распространением здесь владычества хазар, стало нарушаться в IX в. sporadически, а в X постоянно, вследствие вторжения в наши южные степи кочевников. Это обстоятельство повлекло к крупным переменам в размещении здесь славянского населения, которые занесены и в нашу Начальную летопись.

Константин Багрянородный в своем сочинении: «Об управлении империей»¹¹, написанном около 948 г., рассказывает, что лет 50 или 55 тому назад, т. е. в конце IX в., хазары, соединившись с узами, напали на печенегов и выгнали их из собственной страны. Эти печенеги обитали сначала между Волгой и Яиком, и соседями их были с запада мазары, т. е. мадьяры, или венгры, а с востока – узы. Печенеги, вытесненные из своей земли, потянулись на Запад и, в свою очередь, потеснили кочевавших по соседству с ними мазар, или венгров. Последние, пройдя через наши степи, расположились было в области р. Днестра, Серета и Прута. Хан хазарский хотел сплотить мазар и печенегов под властью одного вождя Арпада, но безуспешно. Печенеги напали на венгров и заставили их подвинуться еще дальше на Запад, в Великую Моравию. Эти известия Константина Багрянородного о передвижении племен на юг нашей страны в общих чертах подтверждаются и западным летописцем монахом Региноном, и нашей летописью.

Регинон сообщает, что в 889 г. от воплощения Господня вышел из скифских болот, где течет Танаис, народ Венгров, выгнанный со своего местожительства соседними народами, которые называются Pecinati¹².

Наша летопись¹³ относит переход узов ко времени княжения Олега, а появление их у Киева к 898 г., как раз согласно с Константином Багрянородным. Венгры ушли, а печенеги остались на юге нашей страны. При Константине Багрянородном печенеги занимали уже все пространство степей от нижнего Дуная до Дона. «От нижнего течения Дуная напротив Силестрии до хазарской крепости Саркела на Дону простирается Печенегия», – говорит император. Он сообщает, что Печенежская Орда состояла из восьми колен, или племен, из которых четыре расположились на левой стороне Днепра около Хазарии, Алании и на границе Херсона; а четыре на правой: одно – по соседству с болгарами, другое – по соседству с венграми, третье – в соседстве с угличами, древлянами и ленчичанами, а четвертое – по соседству с Русью¹⁴. На первых порах они, по всем данным, находились в мирных отношениях к нашим славянам.

¹¹ Parisiis, 1645–1711. Vol. III. P. 164.

¹² Scriptores rerum germanicarum. Hannoverae, 1867. Vol. 1. P. 89.

¹³ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 14.

¹⁴ Buzantinae Historia. Vol. II. P. 165–166.

В 915 г., по сообщению летописи, печенеги заключили с Игорем мир, а в 944 г. они как наемное войско участвовали в походе русских на греков¹⁵. Но со времени Святослава начинается упорная борьба Руси с печенегами. Занятый беспрестанными походами, Святослав мало заботился об охране Руси. Благодаря этому печенеги сделались смелее. Они заняли самую важную местность по течению Днепра – его берега около порогов – и сильно затрудняли сообщение Руси с Черным морем. Один раз, в бытность Святослава в Болгарии, они напали на Киев и едва было не взяли его. При Владимире Святославиче борьба с печенегами была, по выражению летописи, «без престопа». Они два раза проникали почти до Киева и один раз разбили киевского князя у Васильева и едва не захватили его в плен. Для защиты от непрерывных набегов печенегов Владимир начал строить города по Десне, по Осетру, Трубежу, Суле и по Стугне. Ярослав подвинул линию укреплений на правом берегу Днепра несколько южнее и начал ставить города по Роси. Но скоро судьба освободила Русь от соседства с печенегами.

В 1034 г. печенеги осадили Киев. На выручку подоспел Ярослав с новгородцами и наемными варягами. Страшная битва произошла, по словам летописца, на том самом месте, где впоследствии была выстроена св. София. Печенеги были разбиты; много их погибло в р. Сетомле. Это была последняя битва, ибо, как говорит летопись, печенеги «погибоша, а прок и побегоша и до сего дне»¹⁶.

От византийского писателя Георгия Кедрена узнаем, куда убежала большая часть печенегов. Оказывается, что около 100 тысяч их перешло Дунай и поселилось в пределах империи. Кедрен сообщает и причину этого переселения. Оказывается, что печенегов из наших степей вытеснили узы.

Но кто такие были эти узы, откуда они вышли? Из сообщения Константина Багрянородного мы уже знаем, что узы в IX в. жили еще за Яиком в Азии, а затем, потеснив печенегов, заняли область между Яиком и Волгой; при этом, сообщает император, часть печенегов осталась там же и стала жить вместе с узями. Арабский писатель первой половины X в. Масуди застаёт их уже на правой стороне Днепра, который отделяет от них Хазарию. Очевидно, следовательно, что узы в своем движении на Запад последовали за печенегами и расположились в наших степях по соседству с печенегами, около р. Дона. Какой же народ знает наша летопись в степях Дона в X в.? Печенегов и торков. Услугами последних воспользовался в 985 г. Владимир Святославич, когда шел на волжских болгар: «Иде Володимир на Болгары с Добрынею уем своим в лодьях, а Торки берегом приведе на конех», – сообщает летописец¹⁷.

Итак, узы – то же самое племя, которое называется торками в наших летописях.

Торки-узы, вытеснив печенегов из Приднепровья, заняли их место и стали тревожить своими набегами русскую Украину. Поэтому в 1060 г. Ярославичи – Изяслав, Святополк и Всеволод решили одним ударом покончить с новым врагом Руси. «Совокупивше воя безчисленни», они пошли на лодках и на конях на «Тороков». «И се слышавши Тороци, – рассказывает наш летописец, – убоявшеся, пробегоша и до сего дни, и помроша бегающе гоними, овии от зимы, друзии же голодом, инии же мором и судом Божиим, и тако Бог избави хрестьян от поганых»¹⁸.

Одновременно с этим византиец Михаил Атталейота сообщает о гибели узов. По его словам, они потерпели сильно от зимы, были изнурены болезнями и голодом. Случилось это уже в 1064 г. в пределах империи, куда они прибежали; те же из них, которые ушли обратно за Дунай, сообщает Атталейота, были рассеяны князем мермидонов около его городов¹⁹.

¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 26, 28.

¹⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 105–106.

¹⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 56.

¹⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 114, 115.

¹⁹ Μιχαήλ τοῦ ἀτταλείοτα. Bonnae, 1853. P. 83, 85, 87.

В соответствие этому известию, наша летопись рассказывает о том, что Всеволод в 1080 г. послал сына своего Владимира на торков переяславских, которые «заратились» на Русь: «Володимер же шед побив Торки»²⁰. Оставшиеся уже в незначительном количестве торки вошли в состав так называемых черных клобуков и поселились на окраине русской оседлости – на Поросье в качестве союзников русских князей, которые стали пользоваться ими и для своих домашних усобиц, и для борьбы с другими кочевниками. Но главная масса торков погибла где-то в пределах империи.

Итак, и этот новый враг славянского населения нашего юга сошел со сцены или, по крайней мере, перестал быть опасным для русских славян. Но на смену ему появился еще более опасный враг, и все оттуда же, откуда пришли и печенеги, и торки. Вслед за известиями об отражении торков русскими князьями русская летопись сообщает о появлении на наших окраинах половцев. Они появились в 1061 г. и разбили Всеволода. Семь лет спустя Ярославичи вышли против них на р. Альту и потерпели полное поражение. По-видимому, и самое движение торков на Запад вызвано было не чем иным, как натиском половцев.

С 1071 г. начинаются их беспрепятственные набеги на Русь. Не проходило почти ни одного года, когда бы не горели русские города и села и русские жители не уводились в плен половцами. Больше всего терпели от них Киевское и Переяславское княжения и особенно Посулье и Поросье. Современник-летописец яркими красками изображает бедствия, причиненные Руси половцами. Рассказав об их нашествии на Киевскую и Переяславскую земли в 1092–1093 гг., летописец говорит: «Сотвори бо ся плач велик у земле нашей и опустеша села и городе наши и быхом бегающие и перед враги нашими... Ибо лукави сы-нове Измайлове пожигаху села и гумьна и многи церкви запалиша огнем... Земля мучена бысть: ови ведутся полонене, а друзии посекаеми бывають, друзии на месть даеми бывають, горькую приемлюще смерть, друзии трепещут зряще убиваемых, друзии голодом умориваеми и водною жажею; ови вязани и пятами поткаеми на морозе держими и вкоряеми... У граде вси опустеша, и преидеша поля, идеже пасьма быша стада коне, овце, воловы; се все тще ныне видим; нивы порожные стоять, зверем жилища быша»²¹.

Нападения половцев не прекращаются и далее в течение всего XII в. и затихли только в XIII в., незадолго до вторжения татар.

²⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 143.

²¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 155–156.

III. Сокращение территории славянской оседлости на юге России и расширение ее на севере

Отлив славянского населения из Приднепровья в бассейны Оки, Днепра и нижней Кубани. Возвышение Тмутараканского княжества и его судьба. Отлив славянского населения из бассейнов нижнего Буга и Днестра на низовья Дуная и в междуречье Прута и Серета (Берладь), а также на север; остатки этого населения в приморских городах: Белгороде, Чернограде и Олешье. Общие итоги расселения славян на юге нашей страны к половине XII в. Расширение славянской колонизации в Поволжье и в бассейне Оки: новые города. Славяне в области води, еми, заволоцкой чуди: Водьская и Обонежская волости; погосты на р. Онеге и Северной Двине и их притоках.

Появление кочевников в южных степях нашей страны не могло не отразиться на распределении в этих областях славянского населения. Мы видели, что уже в VIII в. славянское население Подонья сильно пострадало от войн, которые арабы вели с Хазарией. Еще большие бедствия должны были обрушиться на славян Подонья с передвижением в наши южные степи печенегов, торков и половцев. Оседлое славянское и хазарское население не могло удержаться в этом крае и должно было покинуть его. К сожалению, мы не знаем начальных моментов этого передвижения славянского населения. Летопись знакомит нас с последними моментами этого отлива. В 1111 г. на нижнем Дону существовало еще несколько городков со смешанным славяно-хазарским населением. На эти городки натолкнулись русские во время похода своего на половцев. Подходя к одному из них – Шаруканю, князья послали вперед духовную процессию с крестами и хоругвями. Шаруканцы вышли навстречу этой процессии и вынесли русским мед и рыбу. Очевидно, что население Шаруканя было христианское и славянское, и русские знали об этом, а потому и послали духовенство с крестами и хоругвями. Через пять лет после того, в 1116 г., сын Владимира Мономаха с одним из черниговских князей ходили снова на Дон, где взяли три городка и вывели «полон мног», в том числе и ясов. Таким образом, подбираются мало-помалу остатки оседлого населения в Подонье, пока не исчезают совсем. Это случилось, как кажется, в 1117 г. В этот год, рассказывает летописец, пришли беловежцы на Русь. Белой Вежью называлась у нас на Руси главная хазарская крепость на Дону – Саркел, стоявшая на изгибе Дона, где эта река сближается с Волгой. Следовательно, около 1117 г. все оседлое население с Нижнего Подонья исчезло – ушло на Русь.

Куда же ушли славяне с Подонья? Тут можно строить только догадки. Часть их ушла на запад в Приднепровье, как описывают приведенные известия летописей; часть ушла, быть может, на север, в бассейн Оки, где в XI в. как раз замечается увеличение славянских поселений и, наконец, часть населения ушла, по-видимому, на юг, в область нижней Кубани. Этим приливом населения в область нижней Кубани, по всей вероятности, объясняется возникновение особого Тмутараканского княжения как раз в разгар борьбы с печенегами, в начале XI в. Княжество Тмутараканское играло даже крупную роль в судьбах Руси при Мстиславе Владимировиче: с силами этого княжества Мстислав добился от своего брата Ярослава дележа по Днепру, что случилось после удаления Святослава из Киева. Но после Мстислава сюда являлись уже одни обездоленные князья или изгои, вроде Ростислава Владимировича, – явный признак, что это княжество, оторванное от остальной Руси, окруженное со всех сторон иноплеменниками, захудало и утратило свое прежнее значение. Очевидно, славянского населения оказалось здесь немного, и князья находили здесь мало средств для жизни и деятельности. Но последний раз Тмутаракань упоминается в летописях в 1094 г.: в этом году Олег покинул ее, чтобы сесть в Чернигове. Девяносто лет спустя Тмутаракань считалась на Руси уже потерянной.

ной страной. Желанием вернуть ее певец «Слова о полку Игореве» объясняет поход северских князей 1184 г.: «Се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати города Тьмутаракани, а любо испити шеломом Дону»²². Впрочем, само княжество существовало еще в XIII в. Вот как описывает ее жителей венгерский монах, посетивший Приазовье в 1237 г.: «Ея владетель (dux) и население называют себя христианами, имея книги и священников от греков. Говорят, что князь имеет сто жен, все мужчины бреют головы, а бороды растут умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова обрита»²³. Мы видим из этого известия, что политическая организация и начатки культуры, засаженные в Тьмутаракань при русских князьях, не исчезли здесь до самого прибытия татар, хотя заметно уже одичание, огрубение под влиянием окружающей варварской обстановки. Вероятно, это одичание стояло в связи и с изменением в самом составе населения – славянский элемент, по-видимому, уже не играл преобладающей роли в Тьмутаракани, а инородческий. С утверждением на низовьях Дона и на Кубани татар Тьмутараканское княжество исчезает совершенно с исторической сцены.

Итак, прибой тюркских волн разбил славянское население Подонья, которое ушло на север, запад и юг. Та часть его, которая ушла на юг, на Кубань, не удержалась здесь, а с течением времени ушла отсюда или затерялась среди других племен. То же самое приблизительно произошло и в бассейнах Днепра, Буга и Днестра.

В эпоху составления «Повести временных лет», т. е. во второй половине XI в., у современников сохранились воспоминания о многочисленных племенах уличей и тиверцев, живших на землях по Днестру, Бугу (Южному) до Дуная и до моря. От этих племен сохранились в то время в названной местности уже одни только города: «и суть гради их до сего дне». Писавший в конце XI в. Баварский географ также знает уличей, про которых он пишет: «Ulici – populus multus, civitates CCCXVIII» («Уличи – народ многочисленный, городов 318»). Итак, во второй половине XI в. эти уличи уже исчезли. Исчезновение уличей и тиверцев с Побужья и Поднепровья стояло в связи с тем же передвижением в нашей степи кочевых тюркских племен. Уже в X в. печенеги проникли на запад от Днепра: Константин Багрянородный рассказывает, что на запад от Днепра кочевали четыре колена, между прочим, по соседству с уличами. Из его же рассказа можно видеть, что тиверцы и уличи были оттеснены печенегами; по его словам, печенегов можно найти на берегах Днепра и Днестра, где они постоянно кочуют. Когда в 60-х гг. XI столетия печенеги и торки очистили территорию южных степей, на запад от Днепра продвинулись половцы. В 1070 г. они сделали первый набег на Венгрию; следовательно, уже проникали до юго-восточного склона Карпат. Восемь лет спустя они уже принимают участие в смутах на Балканском полуострове, потрясавших Византийскую империю. Можно утверждать, что в восьмидесятих годах XI столетия половцы кочевали между нижним Днепром, Карпатами и Дунаем. Из «Поучения» Владимира Мономаха ясно видно, что половцы кочевали по Южному Бугу: «и на Бог идохом с Святополком на Боняк за Русь». Русские князья в начале XII в., гоняясь за половцами, нападавшими на Поросье, доходят до самого Дуная.

Куда же девалось оседлое славянское население Побужья и Приднепровья? Поселения уличей и тиверцев, как мы видели, простирались до Дуная. Как далеко они простирались на запад, мы не знаем. По смыслу летописного известия выходило, что они группировались у низовья этой реки. Сюда, вероятно, и выселилась часть славянского населения с берегов Буга и Днестра, когда появились кочевники. Анна Комнен рассказывает, что в разгар борьбы империи с печенегами какой-то род скифский, подвергавшийся постоянному разбою савроматов, снявшись с родины, спустился к Дунаю. Переселенцы вошли в соглашение с князьями подунайских городов и стали без опасения переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую

²² Слово о полку Игореве. СПб., 1908. С. 16.

²³ G. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budae, 1829–1844. Vol. IV. Part 2. P. 51–52.

страну, так что они захватили даже и некоторые городки. После этого, пользуясь некоторым спокойствием, они пахали землю и сеяли овес и пшеницу. Ясное дело, что эти переселенцы были не кочевники, а оседлые земледельцы и, скорее всего, славяне, ушедшие от напора печенегов. Впоследствии на нижнем Дунае и его левых притоках мы видим целый ряд городков, имевших связь с Русью. Таковы были: Галич Малый, ныне Галац, Дичин, где-то около Силлестрии, Текуч, на р. Бырлате, и Берладь на той же реке, впадающей в Серет. Последний был главным городом, и по нему вся эта местность называлась Берладью. Это было нечто вроде второго Тмутараканского княжества. И в этом оторванном от остальной Руси уголке находили приют разные князья-изгои, которым не находилось волости в русской земле. Население, как и в Тмутаракани, было, по всем признакам, сборное. Оно известно под именем берладников. В 30-х, 40-х и 50-х гг. XII столетия здесь находил себе приют князь Иван Ростиславич, внук известного Володаря Ростиславича, князя Галицкого. Он поэтому и получил прозвище Берладника. За это время Берладь не раз присоединялась к Галичу, но ненадолго. Берладники не сносили подчинения сильным князьям: они любили сами принимать к себе князей, давать им помощь и покровительство. В 70-х гг. XII столетия эта область считалась чем-то оторванным от Руси. Всеволод Суздальский посылал сказать Давиду Ростиславичу (Смоленского рода): «А ты пойдешь в Берладь, а в Русьской земли не велю ти быти»²⁴. Берладь сделалась ядром, из которого позже выросла Молдавия.

Итак, часть наших уличей и тиверцев пошла на образование молдавской народности, что сказалось и на языке молдаванцев. Но не все уличи и тиверцы отодвинуты были печенегами в междуречье Прута и Серета и на низовья Дуная. По некоторым данным можно заключить, что часть их удержалась в приморских городах, а часть отодвинулась на север, на верховья Буга и Днестра.

В X–XIV вв. на берегу Черного моря, при устьях Днестра, Буга и Днепра, существовали три города: Белгород, Черноград и Олешье. О Белгороде упоминает Константин Багрянородный; этот же город стоит и в перечне русских городов, составленном в половине XV в. и помещенном в Воскресенской летописи. Нахлынувшие тюрки перевели его на свой язык. «Ак» – «белый» и «кермен» – «город». Получилось название Аккермен или Аккерман, существующее и теперь. В начале XIV в., согласно одному описанию, в этом городе жили магометане и неверные, т. е. христиане (Абушжеды), значит, еще в это время держалось в нем славянское население, хотя и смешанное уже с инородцами. Перечень русских городов, помещенный в Воскресенской летописи, упоминает на Черноморском побережье Черноград. Этот город также существовал уже в X в., как видно из одного документа, известного под именем Записки готского или греческого топарха. Этот топарх по каким-то политическим делам ездил к русскому князю. На обратном пути он ехал сначала по левому берегу Днепра, а затем переправился на правый, с тем чтоб идти к «Маврокастроу». Маврокастрон по-гречески значит «Черный город». Тюрки этим именем стали звать Очаков, называя его Каракермен, что буквально значит «Черный город». Итак, «Черный город» – это нынешний Очаков при устье Буга. Что касается Олешья, то летопись упоминает об этом городе впервые под 1084 г. Но, по-видимому, город этот существовал и раньше: русь, ездившая в X в. в Царьград, останавливалась иногда зимовать в Белобережье при устье Днепра; останавливался здесь и Святослав. Но Олешье находилось как раз там же, и весьма вероятно, что все эти зимовки имели место именно в Олешье. Город Олешье продолжал существовать и в XIII в. и был торговым пунктом. Названные города уцелели отчасти благодаря своим укреплениям и морю, на котором всегда можно было жителям спастись от кочевников, а отчасти благодаря своему значению рынков, где кочевники могли сбывать свою добычу и запасаться разными нужными для них предметами²⁵.

²⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 390.

²⁵ Голубовский И. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884.

Из сопоставления известий нашей летописи с данными, рассеянными у Константина Багрянородного, можно заключить, что часть уличей и тиверцев под напором кочевников отодвинулась на север, на верховья Буга и Днестра. И летопись, и Константин Багрянородный говорят об уличах рядом с древлянами. Говоря о печенегах на правой стороне Днепра, Багрянородный говорит, что они соседят с уличами и древлянами.

Говоря о возложении дани на древлян Игорем, наша летопись вслед за тем говорит об обложении данью и уличей. Тиверцев летопись обыкновенно упоминает после хорватов и дулебов, но хорваты сидели по верхнему Днестру, а дулебы – по Западному Бугу. Значит, и с утверждением на правой стороне кочевников названные племена оставались соседями других славянских племен, значит, и кочевники перерезали оседлых уличей и тиверцев, оттеснив часть их на север, а часть – на юг и запад. Словом, здесь произошло явление, аналогичное тому, которое мы видели на Дону. Этим и объясняются таинственные известия о каком-то тьмутараканском княжестве, о Берладе.

Подводя итог последствиям, которые вытекли для размещения славянского населения в Восточной Европе из передвижения в наши южные степи тюркских племен в X и XI вв., мы, на основании всего вышеизложенного, должны констатировать: 1) очищение от славянского населения Подонья, за исключением верхней части его; 2) очищение нижнего Приднепровья до Роси и Ворсклы; 3) очищение бассейна Буга, за исключением верхней части; 4) таковое же очищение Приднестровья; 5) обособление от главной массы славянства населения некоторых мест по берегам Азовского и Черного морей, обособление, которое впоследствии привело к исчезновению или перерождению этого населения; 6) разрежение населения в среднем Приднепровье, вследствие избиения и пленения от половцев. Трудно, конечно, подвести политический учет последнему факту. Но вот впечатление современника, которое записано летописцем и которое вполне подтверждает наш общий вывод: Андрей Боголюбский, по известию Никонской летописи, по прибытии к отцу в Киев изумился: «яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и многи крови лияшеса, и несть никому ни с кем мира, и от сего все княжения опустеша, <...> а от поля половцы выплениша и пусто сотвориша»²⁶. Это впечатление от положения дел как раз в половине XII в. Конечно, разрежение населения в Приднепровье происходило не от одних половецких набегов, но и от княжеских усобиц. Но последние потому и были особенно губительны для населения, что в них участвовали половцы, в качестве союзников того или другого князя.

В то самое время, как на юге нашей страны славянское население исчезало или редело, на севере славянская колонизация захватывала все большие и большие пространства, и славянское население сгущалось. Происходило это, несомненно, от двух причин: 1) от естественного прироста населения, которое на спокойном севере не встречало тех препятствий в своем размножении, какие встречало на тревожном и опасном юге; 2) от прилива населения с юга, обусловливавшегося теми же самыми причинами, какие порождали опустение юга.

Какие же факты имеются в наших руках, которые обнаруживают указанное явление? Прежде всего, построение новых городов в бассейнах Оки и верхней Волги. В X в. на Оке мы знаем один только город – Муром, оплот славянского населения среди финских племен: мешеры и муромы. В конце XI в. здесь появляются Рязань, Переяславль-Рязанский и Пронск в земле Мешеры. Города у нас возникали или как торгово-административные центры среди осевшего в данной местности славянского населения, или как передовые посты и оплоты подвигающейся колонизации страны. В том и другом случае появление городов указывает на успехи славянской колонизации. В бассейне верхней Волги за это же время возникают Ярославль, построенный Ярославом Владимировичем, Владимир-на-Клязьме, постро-

С. 182–212.

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). С. 204.

енный Владимиром Мономахом, Кснятин при впадении Нерли в Волгу, Юрьев-Польский, Дмитров, Москва, построенные Юрием Долгоруким в области все той же мери. Кроме того, за это же время возникают, в точности неизвестно когда, Суздаль, Угличе-Поле, Молота и Переяславль-Залесский, также в области мери. Можно сказать, что уже почти вся область мери в половине XII в. охвачена славянской колонизацией, за исключением бассейнов Костромы и Унжи. (Меря, по археологическим исследованиям графа Уварова и наблюдениям над топографической номенклатурой, занимала нынешние губернии: Ярославскую, Костромскую, Владимирскую – до р. Клязьмы – и северную часть Московской губернии – до р. Москвы). Но этим не ограничивается расширение русской оседлости здесь. Из устава Ярослава «О мостех» и из церковного устава князя Святослава Ольговича 1137 г. видно, что славянская колонизация из области новгородских славян распространилась в области финского народца води, жившего к югу от Финского залива до р. Наровы на западе, в области финского народца еми, жившего на юг от р. Свири и Онежского озера, и в области заволоцкой чуди, жившей в бассейне Северной Двины. Устав «О мостех», в числе новгородских волостей, упоминает уже Водскую волость и Обонежскую. Эти волости под именем «рядов» упоминаются и в уставе 1137 г. Судя по населенным местностям, перечисляемым в уставе, Обонежская волость, или ряд, занимала пространство между Ладожским и Онежским озерами, по р. Олонке, Свири, Паше и Сяси. Устав 1137 г., кроме того, перечисляет новгородские племена: по восточному берегу Онежского озера и по рекам, впадающим здесь в озеро – по р. Водле, Онеге и ее притокам (Моша), по Северной Двине и по ее притокам, – Емце и Ваге с левой стороны, Пинеге и Тойме с правой и по р. Сухоне и по соседству с этими поселками. На всем этом пространстве, т. е. в Обонежье и в Двинском крае, устав насчитывает, впрочем, только двадцать шесть населенных мест, принадлежащих новгородцам²⁷.

Сопоставляя эти факты с изложенными выше, мы приходим к заключению, что славянская колонизация с самого начала своего широко разбрасывалась по нашей стране и притом переливалась из одной местности в другую. Господствующим движением, однако, с течением времени стало движение с юга на север. Движение это возобладало с того времени, как на юге нашей страны появились кочевники.

²⁷ Барсов Н. И. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 198–203. Прим. 325.

IV. Степь и лес в начальные времена русской колонизации

Общая граница степного пространства по данным распространения чернозема в Европейской России. Лесные острова в степи на левых притоках Днестра (до Морахвы) и на верхнем Буге, на низовье Днепра, на Днепровских островах, на верховьях Ингульца («Черный лес»), по р. Тясмину, Роси, («Каневский лес»), на верховьях Орели и Самары («Голубой» и «Черный» леса), по Ворскле, Суле и Пселу, на Перекопском перешейке, на Волчьих водах, Кальмиусе и Миусе, на верховьях Донца и Оскола («Пузацкий лес»), по Донцу, на низовьях Дона, по р. Воронежю, Битюгу, Хопру и Медведице. Климатические факторы, определившие пределы распространения в степи. Свидетельства Герберштейна о распространении леса в Европейской России. Более ранние свидетельства о лесах около Киева, к востоку от Случи и до Уши («Чертов лес»), на Волыни, по северным притокам Припяти, на верховьях Волги, Днепра и Западной Двины (Оковский лес), по Десне (Болдиж лес), на Жиздре (Брынский лес), на верховьях Протвы, Нары, Москвы, Клязьмы, в бассейне Дубны, между Волгой и Костромой (Ширенский лес), около Владимира на Мокше и Цне. Степные оазисы в лесной области: Белехово поле, Юрьево поле, Угличе поле. Климатические факторы, определившие распространение лесной растительности.

С утверждением господства на юге нашей страны кочевников границы славянской оседлости, как было сказано, отошли на север. Но на какой линии они установились? Для уяснения этого вопроса, а равно и для уяснения славянского населения в пределах территории, охваченной первоначальной славянской колонизацией, мы должны рассмотреть распределение леса и степи нашей страны в древние времена, насколько это возможно при наличных средствах науки.

Появление кочевых тюркских племен, равно как и более раннее продолжительное господство кочевников на юге нашей страны свидетельствует, конечно, что и тогда, как и теперь, юг России носил по преимуществу степной характер. летопись называет полем область печенежских и половецких кочевий. Это же имя прилагается в летописи к различным местностям земли Киевской, Переяславской, Посемью и пространству на юг от Рязани. Существование степей на юге России, таким образом, можно признать фактом, не подлежащим сомнению.

Гораздо труднее определить более или менее точно пределы этого степного пространства, провести границу степи и леса, т. к. определенных и сколько-нибудь полных указаний на этот счет нельзя подобрать в источниках. На помощь нашей науке в данном случае является геология со своими данными относительно распространения чернозема в нашей стране и со своими объяснениями касательно его происхождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.